

Звук рубки мяса в доме семьи Вэй был слышен всем соседям вокруг — до последнего шороха. Хотя жили Вэй довольно на отшибе, у самой окраины деревни, прижавшись к задней горе, сама по себе деревня Далюшу была маленькой: стоило где-нибудь шелохнуться ветру — и уже вскоре знал весь посёлок.

Ли Гуйфэнь прибежала первой поглазеть на новость. Услышав, что Вэй Ху наконец-то взял себе фулана, она, не медля, примчалась посмотреть. Да ни за что она не поверит, что Вэй Ху, чьё "проклятие на жен" было известно в трёх ли вокруг, и правда смог жениться. Этот самый фулан, небось, либо без руки и без ноги, либо вовсе дурачок.

А уж Чэнь Цуйхуа, что всю жизнь была гордячкой, — если она и правда взяла в дом слабоумного фулана, вот уж будет над чем посмеяться.

Тц... А ведь Чэнь Цуйхуа, гляди-ка, обращается с новой невесткой на редкость хорошо. В доме Вэй уже давно не было слышно, чтобы рубили кости и мясо. Хоть Вэй Ху и охотник, Чэнь Цуйхуа всё равно жалела дичь — ни фазана, ни зайца есть не решалась. А сегодня, вон, мясо готовят — расщедрилась.

Ли Гуйфэнь, кривя губы, вошла во двор. Людей там уже собралось немало. Чэнь Цуйхуа с улыбкой раздавала всем из корзины жареный арахис.

«Наш Нин-гэ сегодня устал» - с добродушной улыбкой сказала она. «Спит сейчас. В другой раз выведу его, познакомлю со всеми».

В доме семьи Вэй давно не бывало таклюдно. Во-первых, жили они на отшибе; во-вторых, слава о том, что Вэй Ху "губит жён", многих отпугивала — осторожные семьи предпочитали держаться подальше. А сегодня пришло немало тех, кто жаждал поглазеть.

Ли Гуйфэнь, размахивая вышитым платочком, протянула:

«Ай, Цуйхуа, а откуда у тебя этот новый фулан-то?»

«Из города» - ответила Чэнь Цуйхуа, сияя от гордости. «И такой послушный, такой хороший».

Она подошла с корзиной и насыпала Ли Гуйфэнь жареного арахиса. Та и шагу не сделала, а уже тянулась пройти в дом — посмотреть, каков он, этот новый фулан.

«Эй» - Чэнь Цуйхуа тут же преградила дорогу. «Наш Нин-гэ спит».

Ли Гуйфэнь скривила рот:

«Весь двор полон старших, а тут младшие ещё спят» - фыркнула она.

Чэнь Цуйхуа тайком плюнула про себя. Какая там у неё, у Ли Гуйфэнь, "старшая родня" в её доме? Полностью с нечистыми намерениями! Да ещё и пытается подловить момент, ей бы только, чтобы у них жизнь не заладилась.

Ли Гуйфэнь, не увидев нового фулана, распустила улыбку, как цветок:

«Ай, Цуйхуа, рано или поздно даже некрасивой невестке, всё равно приходится знакомиться со свекровью. Давай, покажи нам!»

«Наш Нин-гэ вовсе не страшный» - с гордостью ответила Чэнь Цуйхуа. «В трёх ли вокруг нет никого красивее него».

Она сияла от собственной важности. Ли Гуйфэнь вечно пыталась её прижать, а после того как Вэй Ху приобрёл репутацию "плохого для жён", Ли Гуйфэнь первой хотела посмеяться над ними. А теперь Вэй Ху женился на красивом фулане — разница с невесткой Ли Гуйфэнь была как небо и земля.

«Дай взглянуть, но только не показывай какого-нибудь уroda» - настояла Ли Гуйфэнь.

И, не дождавшись ответа, рванула в дом. Она так громко заговорила, что влетела внутрь, разбудив Сун Ниня. Сун Нин, полусонный, сел, моргая, и сразу увидел незнакомую женщину, рассматривающую его сверху донизу. Взгляд был настолько настырный и оценочный, что ему стало крайне неприятно.

Чэнь Цуйхуа не успела остановить Ли Гуйфэнь, но тихо пробормотала ей пару слов про себя. Тут же, заметив, что Сун Нин проснулся, она весело вывела его наружу:

«Нин-гэ, пришли тётки из деревни посмотреть на тебя. Выйди, что бы познакомиться с ними».

Чэнь Цуйхуа подтолкнула ещё немного сонного Сун Ниня, показывая на людей:

«Это тётя Чжао, а это старшая тётя Ши...»

Сун Ниню они все были незнакомы, и он просто следовал за ними, слушая, как их называют "тётей" и "старшей тётей". Если бы вокруг не было столько людей, он с радостью снова спрятался бы в доме.

«Ай, какой аккуратный мальчик» - ахнула одна из женщин.

«Да» - согласилась другая. «С такой белой кожей в деревне не найдёшь больше ни кого».

Женщины и мужчины заговорили одновременно, восхищаясь внешностью Сун Ниня. На устах у всех были слова: «Вэй Ху очень повезло!»

Чэнь Цуйхуа радовалась ещё сильнее: в такой день счастья все говорят приятные вещи, и она знала, что Сун Нин смущается при встрече с чужими. Обойдя всех и познакомившись, он вернулся в дом, чтобы отдохнуть.

Ли Гуйфэнь, не увидев радости в доме Вэев, а затем заметив, что Сун Нин действительно хорош собой, ещё сильнее ощутила раздражение.

Она и Чэнь Цуйхуа изначально были девицами из одной деревни, и когда-то даже вместе выбирали семьи для замужества.

В молодости Чэнь Цуйхуа была красива, и большинство семей, которые их рассматривали, выбирали её, а Ли Гуйфэнь оставалось только то, что Чэнь Цуйхуа отвергала. Обида затаилась у неё глубоко в сердце.

Ли Гуйфэнь фыркнула и ушла, бормоча про себя:

«Этот Вэй Ху "проклят для жён". Жениться на нём — что за заслуга? Настоящая заслуга — суметь его прокормить».

Чэнь Цуйхуа этих слов не слышала; если бы услышала, то непременно поднялась бы и вырвала бы Ли Гуйфэнь все волосы.

Сун Нин, вернувшись в дом, молча сидел. Он слышал шум снаружи, а через некоторое время стало тихо — очевидно, тёща уже проводила всех гостей, и он смог вздохнуть спокойно.

Вскоре снова раздался звук рубки мяса во дворе. Сун Нин колебался, но всё же вышел. Он опёрся на косяк кухни и тихо позвал:

«Мама...»

Чэнь Цуйхуа была занята и не услышала сразу:

«Нин-гэ, зачем вышел? Иди отдыхай, скоро вернётся».

«Мама, я... я хочу помочь».

Эти слова вызвали у Чэнь Цуйхуа бурю радости:

«Ах! Тогда помоги маме помыть капусту, а я сегодня приготовлю тебе пельмени».

Сун Нин увидел на столе кочан капусты и аккуратно поднёс его к себе, смущённо оглядывая кухню.

Чэнь Цуйхуа ловко показала ему:

«Бери деревянный таз, а вода в кадке у дверей».

Сун Нин кивнул, вынес деревянный таз и присел у дверей кухни, чтобы мыть капусту.

Этих дел Сун Нин раньше не умел делать, он научился этому только после смерти отца, когда бабушка Чжан его всему обучала. В последние дни бабушка Чжан ещё напомнила ему, что в доме свекрови надо быть прилежным: деревенские люди не такие, как в городке, здесь даже дети умели работать не хуже взрослых.

Сун Нин сидел на корточках и рвал листья капусты. Услышав у ворот детский смех, он поднял голову и увидел, что у дверей несколько детей выглядывают на него.

Когда дети заметили, что Сун Нин смотрит на них, они смущённо засмеялись и спрятали головы. Только один смелый крикнул:

«Ты что, новый фулан Ху-гэ?»

Сун Нин улыбнулся в ответ. Он недавно поел досыта и немного поспал, и теперь ему стало спокойно на душе: возможно, жизнь здесь не так уж трудна, как он себе представлял.

Его улыбка снова заставила детей покраснеть и они быстро разбежались, но любопытство взяло верх — время от времени они всё же поглядывали на Сун Ниня украдкой.

Чэнь Цуйхуа высунула голову из кухни и, увидев детей из деревни, улыбнулась:

«Гоудань, не смей обижать моего Нин-гэ!»

Имена у деревенских детей были грубоватыми. Примерно у трети мальчишек кличка была "Гоудань" (Собачье Яйцо).

Тот, кого звали Гоудань, покраснел:

«Тётя Чэнь, меня зовут Ши То».

Чэнь Цуйхуа громко рассмеялась:

«А тётя-то знает, как тебя зовут!»

Мальчик, смущенный тем, что его назвали этим прозвищем, покраснел, повернулся и убежал.

Сун Нин тоже невольно улыбнулся — такая вот лёгкая радость.

Вэй Ху сегодня вернулся раньше обычного, на плече он нёс оленя весом около сотни фунтов. Во время погони у оленя сломалась передняя нога, поэтому, чтобы вернуться быстрее, Вэй Ху просто понёс его с горы.

Вдали он заметил у своего двора несколько детей, заглядывающих внутрь. Вэй Ху улыбнулся.

Дети к нему не привыкли, деревенские ребята обычно его боятся. А эти сорванцы толпились у ворот, глядя на что-то во дворе.

Навстречу ему выбежал один Гоудань, и Вэй Ху поинтересовался:

«Гоудань, чего бежишь?»

Мальчик покраснел и промчался мимо:

«Я тоже когда-нибудь найду красивого мужа!»

Вэй Ху даже не обратил внимания на детскую болтовню, лишь сдвинул оленя на плече и направился домой.

Как только Вэй Ху пришёл, дети, сидевшие у ворот, разбежались, и он, улыбаясь, крикнул во двор:

«Мама, я вернулся!»

Сун Нин, услышав голос, поднял голову и так испугался, что листья капусты вывалились у него из рук. Он быстро встал, растерянный, и не знал, что делать дальше.

Сун Нин робко бросил взгляд в сторону ворот и увидел мужчину в аккуратной короткой коричневой одежде, который нёс на плече оленя. Мужчина был с правильными чертами лица, высокий, крепкий, и спокойно вошёл во двор с оленем.

Вэй Ху заметил мальчика, стоявшего во дворе, на мгновение замер и сделал пару шагов назад: незамужнему парнишке лучше отступить, чтобы не спровоцировать лишние разговоры.

Вэй Ху лишь мельком взглянул на Сун Ниня и тут же отвернулся. Он не помнил, чтобы в доме были какие-то родственники, да ещё и такой маленький мальчик.

Он снял с плеча оленя. Олень, упав на землю, слегка вздрогнул, но не вставал. За ним вернулась пятнистая охотничья собака, которая шла с Вэй Ху в гору; увидев во дворе незнакомца, она залаяла.

«Хуа До!» - отрезал Вэй Ху.

Собака тут же легла у его ног.

Чэнь Цуйхуа, занятая на кухне, услышав шум, вышла наружу:

«Вэй Ху вернулся! Ой, а это что, целый олень? Такой большой!»

Вэй Ху тихо кивнул, но всё так же стоял у ворот, не заходя во двор:

«Сегодня повезло, - сказал он, - едва поднялся в гору, как наткнулся на этого оленя.

Чэнь Цуйхуа сияла от радости — сегодня прямо два повода для праздника: и олень большой, и день счастливый.

«Чего стоишь у ворот? Заходи скорее! Мама сегодня пельмени лепила!»

Вэй Ху не двинулся:

«Мама, у нас сегодня родственники?»

Он всё ещё был в замешательстве: какие ещё родственники, да ещё такой маленький? Обычно, если приходят родственники, меняют только муку грубую на белую. А сегодня — ещё и пельмени!

Чэнь Цуйхуа ахнула и поспешила к нему, тихо что-то сказала на ухо. Вэй Ху нахмурился:

«Мама, ты что, не понимаешь? Я не могу жениться. Пока светло, надо скорее проводить его обратно».

Чэнь Цуйхуа слегка ударила его по руке:

«Ты что! Я уже отдала десять лянов серебра за приданое, и теперь весь деревенский народ знает, что это твой фулан. Отправим его обратно — как же он жить-то будет?»

«Лучше потерять репутацию, чем жизнь! Мама, как ты можешь быть такой безрассудной?»

Вэй Ху знал о своей репутации "губителя жён". Первый раз — случайность, а второй... не может же это тоже быть случайностью?

Жениться он больше не собирался и утром уже говорил матери: «Я буду хорошо заботиться о тебе, буду охотиться в горах, работать на земле, и буду так жить».

Но кто бы мог подумать — пока он охотился в горах, мать привела этого мальчика прямо к дому!

Ссору матери и сына Сун Нин слышал отчётливо. Личико его побелело, он прикусил губу, сдерживая слёзы. Он много о чём думал, но никак не ожидал одного — что мужчина не захочет на нём жениться.

Если его снова отправят в дом Сун, жить ему там станет ещё тяжелее. Да ещё и с клеймом — "вернули после помолвки". Тогда его мачеха и вовсе неизвестно кому его пристроит.

От одной этой мысли Сун Нин побледнел ещё сильнее. Возвращаться в дом Сун он не хотел.

Вэй Ху ещё немного поспорил с матерью, но та упёрлась, что бы оставить человека в доме.

У Вэй Ху не осталось выхода, и он подошёл ближе:

«Собирай вещи, я отвезу тебя домой».

Мужчина стоял перед ним, словно небольшая гора. Сун Нин едва доставал ему до плеча. Услышав эти слова, он сжал кулаки и поднял голову; глаза его наполнились слезами, и он покачал головой:

«П-подарок... в-выплатили выкуп... д-десять лянов серебра...»

Он хотел сказать, что даже если его и отправят назад, с характером мачехи эти десять лянов всё равно никто не вернёт.

«Не надо» - холодно ответил Вэй Ху. «Собирайся, я отвезу тебя домой».

Чэнь Цуйхуа, услышав это, в гневе подбежала и снова несколько раз ударила сына по руке:

«Негодник! Десять лянов — и ты так просто от них отказываешься?! Я тебе говорю: даже если ты отправишь этого мальчика обратно, та злюка замучает его так, что он не выживет!»

Сегодня Чэнь Цуйхуа была на седьмом небе от счастья: во-первых, в дом вошёл Сун Нин; во-вторых, сын добыл целого оленя. Один такой олень стоит не меньше десятка лянов серебра. Разве это не два великих счастья сразу?

А теперь Вэй Ху вдруг говорит — "отправить назад". Да хоть бы он сегодня притащил не оленя, а живого тигра — она всё равно была бы недовольна!

Вэй Ху сжал губы. Ему было трудно принять решение, но он всё же заговорил снова:

«Тебя там обижали? Скажи мне. Я пойду и проучу эту злую бабу, не позволю, чтобы с тобой плохо обращались».

Сун Нин не выдержал. Слезы, собравшиеся в глазах, крупными каплями покатались по щекам:

«Я... я не вернусь».

<http://bllate.org/book/15163/1340058>